

УДК 343.337.5

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).94-100](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).94-100)

СООТНОШЕНИЕ ГЕНОЦИДА И ЭКСТРЕМИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ

А.С. Барабаш, С.И. Бушмин, Г.Л. Москалев

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

26 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

4 февраля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

31 марта 2015 г.

Ключевые слова

Геноцид; экстремизм; преступления
экстремистской направленности;
криминология; уголовное право

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ признаков геноцида и преступлений экстремистской направленности, позволяющих разграничить эти преступления. Исследуется проблема отграничения геноцида от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, совершенных по экстремистским мотивам, что обусловлено сходностью описания объективной стороны данных преступлений в УК РФ. Раскрывается теоретическое соотношение признаков данных преступлений по элементам их составов: объекту, форме деяний (активная и пассивная) и их количеству, цели геноцида и экстремистскому мотиву, форме умысла, а также законодательно установленному возрасту субъекта, совершающего данные преступления. Отмечаются также объективные обстоятельства, помогающие отличить геноцид от преступлений экстремистской направленности на практике. На наличие цели совершения преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, могут указывать высокая интенсивность деятельности по уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы и объективно существующий план такого уничтожения. В результате делается вывод о том, что геноцид с точки зрения уголовного права не может рассматриваться как проявление экстремизма вообще и преступлений экстремистской направленности в частности.

В работе анализируется конкретная жизненная ситуация, в рамках которой совершается геноцид. Отмечено, что она характеризуется проживанием на определенной территории нескольких этнорелигиозных групп и наличием в обществе неприязни и нетерпимости по отношению к представителям таких групп. Предупреждение совершения геноцида видится в профилактике этнической, религиозной, расовой и национальной нетерпимости, ненависти и вражды. Данные меры могут способствовать предотвращению распространения экстремизма. Таким образом, с позиций криминологии в контексте предупреждения совершения преступления геноцид может рассматриваться в одном ряду с экстремизмом.

THE CORRELATION OF GENOCIDE AND EXTREMISM IN CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Barabash, Anatolii S., Bushmin, Sergey I., Moskaev, Georgii L.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Article info

Received

2014 October 26

Accepted

2015 February 4

Available online

2015 March 31

Keywords

Genocide; extremism; crimes of an
extremist orientation; criminology;
criminal law

Abstract. The question of correlation of aspects of genocide and extremism is examined in the article. In particular a comparative analysis of the aspects of genocide and of crimes of an extremist orientation, which allow to differentiate these crimes, takes place. The problem of differentiation of genocide, murder and infliction of serious harm to health committed by extremist motives is examined. A need for their differentiation is due to the similarity of descriptions of the objective side of these crimes in the Criminal Code of Russian Federation. A theoretical correlation of aspects of these crimes according to their corpus delicti is revealed in the article. There are represented the aspects which determine an independent character of the genocide and allow to differentiate it with the crimes of an extremist orientation. The differentiation of these crimes is invited to spend on the object, the form of the acts (active and passive) and their number, purpose of genocide and extremist motive, the form of intent, as well as the legislatively determined age of the subject committing these crimes. The attention is also paid on objective circumstances which allow to distinguish genocide from crimes of an extremist orientation in practice. A high intensity of destruction of national, ethnical, racial or religious groups activities

and an objectively existing plan of such destruction can show an intent of the crime, provided by article 357 of Criminal code of Russian Federation. As the result there is made a conclusion that genocide can't be an occurrence of extremism as such and a crime of an extremist orientation in particular from the position of criminal law.

A specific life situation of genocide commitment is analyzed in this article. It can be characterized by habitation of several ethno-religious groups on a certain territory and by existence of hostility and intolerance towards members of these groups in community. Genocide prevention is seen in prevention of ethnical, racial, religious and national hatred and hostility. These measures also stimulate extremism prevention. Therefore, from the position of criminology and in the context of crime prevention genocide can be rated in the same row with extremism.

Осуществляя анализ уголовно-правовой нормы, всегда необходимо четко понимать, какой круг деяний она охватывает. Соотношение составов геноцида и других преступлений в уголовном законодательстве России видится проблемным. Связано это с тем, что в ст. 357 УК РФ, предусматривающей ответственность за геноцид, указано пять различных альтернативных действий, составляющих данное преступление, что приводит к сходности объективной стороны геноцида и других уголовно-противоправных деяний.

При разграничении геноцида с другими преступлениями первоочередное внимание следует уделить его отличию от некоторых проявлений экстремистской деятельности. Круг деяний, охватываемых этим понятием, обозначен в ст. 1 Федерального закона от 27 мая 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Ни геноцид в целом, ни составляющие его способы в данном перечне не упоминаются. Проблему здесь представляет отграничение геноцида не от экстремистской деятельности как таковой, но от такого ее проявления, как преступления экстремистской направленности. Действительно, во многих научных работах можно обнаружить упоминание геноцида в перечне преступлений экстремистской направленности [3; 5; 6, с. 168, 170; 11]. Подобное его употребление встречается и в ведомственных нормативных актах, например в п. 7 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности». Возникает вопрос: насколько оправданно рассмотрение геноцида среди данной группы преступлений?

Понятие «преступления экстремистской направленности», будучи уголовно-правовой категорией, раскрывается в примеч. 2 к ст. 282.1 УК РФ. Согласно указанной норме к данной раз-

новидности преступлений относятся деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Этот мотив зачастую именуется экстремистским. Совершение преступления с таким мотивом является признаком квалифицированного убийства (п. «л» ч. 2 ст. 105) и причинения тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ). Согласно ст. 357 УК РФ объективная сторона геноцида также может выражаться в совершении убийства или причинении тяжкого вреда здоровью. В связи с тем что указанные преступления экстремистской направленности имеют сходные с геноцидом объективные и субъективные признаки, дабы избежать трудностей в процессе квалификации, необходимо главным образом отграничить геноцид от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, совершенных по экстремистским мотивам.

В первую очередь нужно уяснить различия в иерархии объектов этих преступлений. Так, жизнь человека выступает основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенном по экстремистскому мотиву, — здоровье человека. Поскольку преступление по ст. 357 УК РФ может совершаться и без причинения смерти или тяжкого вреда здоровью другим лицам, то применительно к геноциду данные объекты будут дополнительными, факультативными. Подобное может иметь место, например, при совершении геноцида путем принудительной передачи детей из одной человеческой группы в другую [8, с. 240–241].

Отличительным признаком преступлений против личности экстремистской направленности выступает специальный мотив — политиче-

ская, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда, а равно ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. Наличие этого признака приводит к тому, что преступления, закрепленные п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, неизбежно затрагивают отношения равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от его национальной, расовой или религиозной принадлежности. Данные отношения являются дополнительным обязательным объектом указанных преступлений. В связи с тем что совершение геноцида возможно с любым мотивом, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 357 УК РФ, этот объект будет дополнительным, факультативным.

Основным непосредственным объектом геноцида является безопасность национальных, этнических, расовых и религиозных групп [8, с. 240]. Преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, на данный объект не посягают в принципе.

Различия между исследуемыми преступлениями усматриваются и в перечне групп, в отношении которых они могут совершаться. Так, преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, совершаются в отношении представителей любой социальной группы. В ст. 357 УК РФ перечень видов социальных общностей закрыт. В него входят лишь расовые, национальные, этнические и религиозные группы.

Различение геноцида и убийства по экстремистским мотивам следует проводить и по направленности умысла [4, с. 123]. Геноцид может быть совершен только с прямым умыслом. Цель этого преступления согласно ст. 357 УК РФ — полное или частичное уничтожение представителей национальной, этнической, расовой или религиозной группы. На реализацию данной цели и направлен умысел виновного. Субъективная сторона преступлений, предусмотренных п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, характеризуется как прямым, так и косвенным умыслом. Их обязательным субъективным признаком является наличие экстремистского мотива. Для геноцида этот мотив вероятен, но к обязательным признакам состава данного преступления не относится. В свою очередь, анализируемые преступления против личности экстремистской направленности не могут иметь целью полное

или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы. В этом и состоит их отличие от геноцида.

Различия геноцида, а также убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, совершенных по экстремистским мотивам, можно также усмотреть при сопоставлении признаков их объективной стороны. Рассматриваемые преступления против личности экстремистской направленности могут совершаться как в активной (действие), так и в пассивной (бездействие) форме. Момент их окончания связан соответственно с наступлением смерти потерпевшего или причинения ему тяжкого вреда здоровью. Согласно ст. 357 УК РФ геноцид может быть совершен только путем действий, при этом оконченным геноцид будет признан лишь при совершении двух или более актов убийства или причинения тяжкого вреда здоровью членам групп, указанных в ст. 357 УК РФ. При однократной акции разграничение должно проводиться между покушением на геноцид и преступлениями, предусмотренными п. «л» ч. 2 ст. 105 и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Разграничение рассматриваемых преступлений следует также проводить по признакам субъекта. Так, субъект геноцида — вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Безопасность национальной, расовой, этнической или религиозной группы как объекта геноцида, с точки зрения законодателя, является чересчур сложной для понимания ребенком в возрасте от 14 до 16 лет. Дети в указанном возрасте, очевидно, не могут осознанно посягать на него. Напротив, такие объекты, как жизнь и здоровье человека, наверняка могут адекватно осознаваться и в 14 лет. Поэтому несовершеннолетний, не достигший 16 лет, совершивший действия, подпадающие под признаки геноцида и реализованные путем убийства или причинения тяжкого вреда здоровью членам групп, указанных в диспозиции ст. 357 УК РФ, с целью их полного или частичного уничтожения, должен нести ответственность по соответствующим частям и пунктам ст. 105 или ст. 111 УК РФ.

Если теоретически соотношение признаков состава преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, с деяниями, закрепленными п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, не вызывает серьезных затруднений, то их практическое разграничение может быть весьма проблематич-

ным. Главный вопрос здесь — объективные обстоятельства, по которым возможно установить и отличить экстремистский мотив от цели геноцида.

Некоторые исследователи предполагают, что о наличии цели геноцида говорит широко-масштабность совершенных убийств, а об экстремистском мотиве — единичные случаи [2]. С этим тезисом можно согласиться лишь отчасти. Действительно, большое количество актов причинения смерти (тяжкого вреда здоровью) может свидетельствовать о цели уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу, но только при определенных условиях. Так, Международный трибунал по бывшей Югославии в одном из своих решений указал, что цель геноцида не может быть установлена в связи с тем, что обвиняемый совершал убийства достаточно редко [17]. Систематичность как критерий, способный подтвердить наличие цели геноцида, рассматривалась также и в ряде дел Международного трибунала по Руанде [18; 19]. Совершение нескольких убийств представителей какой-либо группы с большим интервалом во времени может быть доказательством устойчивой неприязни и ненависти к ее представителям, и такая интенсивность их совершения позволяет лицу предполагать возможность достижения в перспективе своей цели — уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу.

Но согласно ст. 357 УК РФ геноцид может состоять и в небольшом количестве убийств или актов причинения тяжкого вреда здоровью, что не позволяет использовать критерий широко-масштабности, в том числе и при изложенных условиях. В данном случае может быть совершено лишь несколько действий по достижению цели геноцида, а остальные, задуманные, но не реализованные, составляют план дальнейшей деятельности лица по уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Разумеется, на цель геноцида может указать этот план, объективно зафиксированный и изложенный в какой-либо форме. Существует мнение, что объективно наличествующий план является обязательным условием совершения геноцида [13, р. 290]. В случае его отсутствия необходимо обратиться ко всему комплексу обстоятельств дела.

Московским областным судом 30 октября 2006 г. осуждены И. и А. по пп. «ж», «л»

ч. 2 ст. 105 и по пп. «г», «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, по данному делу было установлено наличие экстремистского мотива. Среди обстоятельств, позволивших суду обнаружить экстремистскую мотивацию совершенных деяний, нужно отметить оскорбления, основанные на национальности потерпевшего, в процессе его избияния; отсутствие повода для нападения; нападение не затронуло троих русских, находившихся с потерпевшим; последующее признание виновных в ненависти в отношении нерусских [9]. Об отсутствии в изложенном примере у виновных цели геноцида может говорить тот факт, что идея осуществить нападение у них возникла непосредственно перед его началом и выразилась в предложении А. «избить азиата». Умысел на убийство у виновных и вовсе возник в процессе нападения. Таким образом, убийство не могло быть частью плана по реализации цели на уничтожение группы, но было обусловлено внезапно возникшим желанием на почве национальной ненависти.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что геноцид всегда будет отличаться от преступлений экстремистской направленности. Обусловлено это тем, что ни одно из рассмотренных преступлений, помимо предусмотренного ст. 357 УК РФ, не направлено на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы и не затрагивает безопасность этих групп. Причем мотивация совершения геноцида может быть любой. Поэтому не стоит соглашаться с авторами, предлагающими квалифицировать геноцид как проявление экстремизма [10, с. 164]. С нашей точки зрения, геноцид в уголовно-правовом смысле таковым не является.

С другой стороны, вывод о наличии связи между геноцидом и рассматриваемым проявлением экстремизма — преступлениями экстремистской направленности — можно сделать, руководствуясь данными криминологических исследований. Вопрос о причинах вовлеченности людей как в группу лиц, совершающих массовый геноцид [22], так и в группу жертв этого преступления [21] является дискуссионным. Однако уже обнаружено, что конкретная жизненная ситуация, в которой совершается геноцид, как правило, характеризуется проживанием на определенной территории нескольких этнорелигиозных групп и наличием в обще-

стве неприязни и нетерпимости по отношению к представителям таких групп. Но неприязнь не всегда приводит к геноциду. В конкретные действия она выливается обычно в периоды политической, экономической или социальной нестабильности. Социально-экономические проблемы как объективные явления порождают психологическое состояние, обозначаемое американскими психологами термином «тяжелые времена» (*hard times*), оно сопровождается депрессией, ощущением безнадежности, окруженности врагами и несправедливости по отношению к своему народу, этносу, расе и религии [1, с. 34]. Именно так выглядит ситуация, которая приводит к геноциду, согласно данным криминологических исследований, основанных на анализе исторических примеров деяний, содержащих признаки этого преступления.

Но главный вопрос: как предотвратить появление такой ситуации? Периоды социально-экономической нестабильности предупредить вряд ли возможно. Они зачастую трудно прогнозируемы, что иллюстрирует пример последнего экономического кризиса. При этом мы разделяем существующую в науке позицию, согласно которой большое влияние на причины геноцида оказывают экономические процессы, что обуславливает необходимость их изучения в данном контексте [12]. Также весьма затруднительно ограничить объективное существование нескольких этнорелигиозных групп на отдельно взятой территории. Одним из наименее эффективных средств предотвращения ситуации, предшествующей геноциду, наукой признана политика дипломатических санкций [20]. В свою

очередь, наиболее эффективной видится профилактика этнической, религиозной, расовой и национальной нетерпимости, ненависти и вражды [14, р. 19–20; 15, р. 27; 16, р. 49].

Нельзя не заметить, что, предотвращая в указанном направлении ситуацию предгеноцида, мы автоматически осуществляем и профилактику преступлений экстремистской направленности. Ведь в основе мотивации их совершения лежит нетерпимость по отношению к представителям каких-либо социальных групп. Не случайно поэтому в п. 11 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации в одном ряду стоят задачи по профилактике межнациональных конфликтов и преступлений экстремистской направленности [7].

Преступления экстремистской направленности в силу своей мотивации на криминальном уровне сигнализируют о высокой степени этно-религиозной неприязни в обществе [23, р. 41]. Крайней степенью проявления такой неприязни становится геноцид. Это происходит, когда неприязнь выливается в желание уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу, т.е. в цель геноцида. С учетом сказанного, а также этимологии термина «экстремизм» (от лат. *extremus* — крайний) геноцид с криминологической точки зрения может рассматриваться как проявление экстремизма, причем как крайнее его проявление. Следовательно, только с позиций криминологии и только в контексте обнаружения причин и их предотвращения геноцид может находиться в одном ряду с экстремизмом и, в частности, с преступлениями экстремистской направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесян В.В. Геноцид: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Аванесян. — М., 2010. — 235 с.
2. Видус Д.Э. Вопрос о группах, охраняемых Конвенцией «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», и идентификации жертв геноцида / Д.Э. Видус // Международное право и международные организации. — 2012. — № 3. — С. 16–27.
3. Волков Н.В. Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена / Н.В. Волков // История государства и права. — 2006. — № 9. — С. 4–5.
4. Долголенко Т.В. Убийства по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и их соотношение с другими составами преступлений / Т.В. Долголенко // Современное право. — 2010. — № 2. — С. 120–123.
5. Истомин А.Ф. К вопросу об экстремизме / А.Ф. Истомин, Д.А. Лопаткин // Современное право. — 2005. — № 7. — С. 19–24.
6. Клейменов М.П. Понятие и виды криминального экстремизма / М.П. Клейменов, А.А. Артемов // Вестник Омского университета. Сер. «Право». — 2010. — № 3. — С. 167–174.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации от 20.11.2013 г. [Электронный ресурс] // KREMLIN.RU : офиц. сайт Президента России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>.
8. Москалев Г.Л. Объект преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ (геноцид) / Г.Л. Москалев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 2. — С. 237–243.

9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2007 г. № 4-007-15 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2008. — № 5.
10. Панкратова Е.Д. Уголовно-правовая характеристика геноцида : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Д. Панкратова. — М., 2010. — 200 с.
11. Погодин И.В. Практика рассмотрения дел о преступлениях экстремистской направленности районными судами / И.В. Погодин // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 4. — С. 20–23.
12. Anderton C.H. A research agenda for the economic study of genocide: signposts from the field of conflict economics / C.H. Anderton // Journal of Genocide Research. — 2014. — Vol. 16, iss. 1. — P. 113–138.
13. Aptel C. The intent to commit genocide in the case law of the International criminal tribunal for Rwanda / C. Aptel // Criminal Law Forum. — 2002. — № 13. — P. 273–291.
14. Bartoli A. Emerging paradigms in Genocide Prevention / A. Bartoli, O. Tetsushi, G. Stanton // Politorbis. — 2009. — № 47. — P. 15–24.
15. Bauer Y. Genocide Prevention in Historical Perspective / Y. Bauer // Politorbis. — 2009. — № 47. — P. 25–32.
16. Gurr T.R. Options for the prevention and mitigation of genocide: strategies and examples for policy-makers / T.R. Gurr // Politorbis. — 2009. — № 47. — P. 47–50.
17. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia. Judgment Prosecutor v. Goran Jelisc (Case No. IT-95-10-T) of 14.12.1999 [Electronic resource] // ICTY.ORG : офиц. сайт Междунар. трибунала по бывшей Югославии. — Mode of access: <http://www.icty.org/x/cases/jelisc/tjug/en/jel-tj991214e.pdf>.
18. International Tribunal for the Rwanda. Judgment Prosecutor v. Clement Kayishema and Obed Ruzindana (Case No. ICTR-95-1-T) of 21.05.1999 [Electronic resource] // UNICTR.ORG : офиц. сайт Междунар. трибунала по Руанде. — Mode of access: http://www.unict.org/Portals/0/Case/English/kayishema/judgement/990521_judgement.pdf.
19. International Tribunal for the Rwanda. Judgment Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu (Case No. ICTR-96-4-T) of 02.11.1998 [Electronic resource] // UNICTR.ORG : офиц. сайт Междунар. трибунала по Руанде. — Mode of access: <http://www.unict.org/Portals/0/Case/English/Akayesu/judgement/akay001.pdf>.
20. Krain M. The effects of diplomatic sanctions and engagement on the severity of ongoing genocides or politicides / M. Krain // Journal of Genocide Research. — 2014. — Vol. 16, iss. 1. — P. 25–53.
21. Olaoluwa O. A Macro-Micro Integrated Theoretical Model of Mass Participation in Genocide / O. Olaoluwa // British Journal of Criminology. — 2013. — Vol. 53, iss. 5. — P. 843–863.
22. Rafter N. Genocide and the dynamics of victimization: Some observations on Armenia / N. Rafter // European Journal of Criminology. — 2012. — Vol. 10. — P. 514–526.
23. Rost N. Will it happen again? On the possibility of forecasting the risk of genocide / N. Rost // Journal of Genocide Research. — 2013. — Vol. 15, iss. 1. — P. 41–67.

REFERENCES

1. Avanesyan V.V. *Genotsid: kriminologicheskoe issledovanie. Kand. Diss.* [Genocide: criminological study. Cand. Diss.]. Moscow, 2010. 235 p.
2. Vidus D.E. Issue on groups protected by Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide and on identification victims of genocide. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii = International law and international organization*, 2012, no. 3, pp. 16–27. (In Russian).
3. Volkov N.V. Extremism as extreme form of separatism: problem of defining social legal nature of the phenomenon. *Istoriya gosudarstva i prava = History of state and law*, 2006, no. 9, pp. 4–5. (In Russian).
4. Dolgolenko T.V. Homicides based on extremism motives (sub-term «л», term 2, art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) and their relation to other elements of crime. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2010, no. 2, pp. 120–123. (In Russian).
5. Istomin A.F., Lopatkin D.A. On extremism. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2005, no. 7, pp. 19–24. (In Russian).
6. Kleimenov M.P., Artemov A.A. Definition and types of criminal extremism. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo = Omsk University Bulletin. Law series*, 2010, no. 3, pp. 167–174. (In Russian).
7. Concept of social security in Russian Federation dated 20.11.2013. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>. (In Russian).
8. Moskalev G.L. The object of a crime provided by the article 357 of the criminal code of Russian federation (genocide). *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Bulletin. Legal sciences*, 2013, no. 2, pp. 237–243. (In Russian).
9. Pronouncement of judicial division on criminal cases of Supreme Court of Russian Federation № 4-007-15 dated 20.02.2007. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii = Supreme Court of Russian Federation Bulletin*, 2008, no. 5. (In Russian).
10. Pankratova E.D. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika genotsida. Kand. Diss.* [Criminal legal characteristics of genocide. Cand. Diss.]. Moscow, 2010. 200 p.
11. Pogodin I.V. Practice of investigation cases with extremist aspects by regional courts. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2011, no. 4, pp. 20–23. (In Russian).
12. Anderton C.H. A research agenda for the economic study of genocide: signposts from the field of conflict economics. *Journal of Genocide Research*, 2014, vol. 16, iss. 1, pp. 113–138.
13. Aptel C. The intent to commit genocide in the case law of the International criminal tribunal for Rwanda. *Criminal Law Forum*, 2002, no. 13, pp. 273–291.
14. Bartoli A., Tetsushi O., Stanton G. Emerging paradigms in Genocide Prevention. *Politorbis*, 2009, no. 47, pp. 15–24.
15. Bauer Y. Genocide Prevention in Historical Perspective. *Politorbis*, 2009, no. 47, pp. 25–32.

16. Gurr T.R. Options for the prevention and mitigation of genocide: strategies and examples for policy-makers. *Politorbis*, 2009, no. 47, pp. 47–50.
17. *International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia. Judgment Prosecutor v. Goran Jelasic (Case No. IT-95-10-T) of 14.12.1999.* Available at: <http://www.icty.org/x/cases/jelasic/tjug/en/jel-tj991214e.pdf>.
18. *International Tribunal for the Rwanda. Judgment Prosecutor v. Clement Kayishema and Obed Ruzindana (Case No. ICTR-95-1-T) of 21.05.1999.* Available at: http://www.unict.org/Portals/0/Case/English/kayishema/judgement/990521_judgement.pdf.
19. *International Tribunal for the Rwanda. Judgment Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu (Case No. ICTR-96-4-T) of 02.11.1998.* Available at: <http://www.unict.org/Portals/0/Case/English/Akayesu/judgement/akay001.pdf>.
20. Krain M. The effects of diplomatic sanctions and engagement on the severity of ongoing genocides or politicides. *Journal of Genocide Research*, 2014, vol. 16, iss. 1, pp. 25–53.
21. Olaoluwa O. A Macro-Micro Integrated Theoretical Model of Mass Participation in Genocide. *British Journal of Criminology*, 2013, vol. 53, iss. 5, pp. 843–863.
22. Rafter N. Genocide and the dynamics of victimization: Some observations on Armenia. *European Journal of Criminology*, 2012, vol. 10, pp. 514–526.
23. Rost N. Will it happen again? On the possibility of forecasting the risk of genocide. *Journal of Genocide Research*, 2013, vol. 15, iss. 1, pp. 41–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барабаш Анатолий Сергеевич — профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: a.barabash@mail.ru.

Бушмин Сергей Иванович — доцент кафедры уголовного права Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: star_bush@mail.ru.

Москалев Георгий Леонидович — старший преподаватель кафедры уголовного права Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: eucaliptus@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Barabash, Anatolii S. — Professor of Department of Criminal Process of Siberian Federal University, Doctor of Law, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: a.barabash@mail.ru

Bushmin, Sergey I. — Associate Professor of Department of Criminal Law of Siberian Federal University, PhD in Law, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: star_bush@mail.ru.

Moskalev, Georgii L. — Assistant Professor of Department of Criminal Law of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: eucaliptus@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Барабаш А.С. Соотношение геноцида и экстремизма в уголовном праве и криминологии / А.С. Барабаш, С.И. Бушмин, Г.Л. Москалев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 94–100. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).94-100.

REFERENCE TO ARTICLE

Barabash A.S., Bushmin S.I., Moskalev G.L. The correlation of genocide and extremism in criminal law and criminology. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 94–100. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).94-100. (In Russian).